

ВОСПРОИЗВОДСТВО КУЛЬТУРНОГО КАПИТАЛА И ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОГО НЕРАВЕНСТВА В РОССИИ

Л.А. БЕЛЯЕВА

Для современного российского общества воспроизводство и наращивание культурного капитала имеет первостепенное значение. Во-первых, он способен создать надежную базу для модернизации экономики и всех сфер общества, во-вторых, может содействовать сокращению социального неравенства и построению более справедливых отношений и, в-третьих, развивает интеллектуальные и нравственные качества человека, делает его жизнь более осмысленной. Напомню, что в концепции культурного капитала, предложенной Пьером Бурдьё, выделяется три состояния культурного капитала: инкорпорированное – в форме длительных диспозиций ума и тела – как неотъемлемая часть личности; объективированное – в форме культурных товаров и средств, которые могут передаваться, наследоваться, а также институционализированное – когда наличие дипломов, академических квалификаций и т. д., позволяет сравнивать их владельца с другими акторами и конвертировать их в экономический и символический капитал. Все три состояния культурного капитала взаимосвязаны и каждый из них находит свое выражение в капитале символическом, который характеризует репутацию, авторитет, способность быть своим в определенной культурной и статусной группе, высказывать свои оценки, навязывать свое мнение. Символический капитал – это любая разновидность капитала, которая замечается и воспринимается социальными агентами, имеет в их глазах ценность, даже в тех условиях, когда экономический капитал не является признанным, символический капитал образует единственно возможную форму накопления¹.

Теория Бурдьё имеет много точек соприкосновения с концепцией человеческого капитала Г. Беккера, который в 1964 г. ввел категорию капитала в современную социологию². Беккер обосновал экономическую эффективность человеческого капитала для организаций и предприятий, показав и рассчитав экономическую эффективность образования. Впрочем, Г. Беккер подчеркивал также важность мотивации, физического и эмоционального состояния человека для функционирования человеческого капитала. Позже эта концепция была развита Д. Коулманом³, который включил в нее и такие свойства личности, как способности, культурный капитал семьи и предшествующих поколений и т. д. «Человеческий капитал, – писал Коулман, – создается путем внутренней трансформации

самих индивидов, вызываемой их навыками и способностями. Это, в свою очередь, дает возможность им действовать иначе»⁴. И Бурдьё, и особенно Коулман, активно развивали и концепцию социального капитала, который содержится в таких элементах социальной организации, как социальные сети, социальные нормы и доверие, и является продуктом вовлеченности человека в социальную структуру. Понимая и признавая взаимосвязь разных видов капитала, между которыми существуют довольно близкие ассоциации, я буду придерживаться концепции культурного капитала как наиболее отвечающей целям данной статьи.

Культурный капитал позволяет характеризовать не только отдельных индивидов, но и разного типа социальные группы и организации, регионы и целые общества. Поэтому можно говорить в широком смысле о носителях, владельцах культурного капитала, использующих его в своих интересах. Этот капитал может воспроизводиться, возрастать, увеличивая экономическое и социальное могущество своего носителя, но может и сокращаться, растрачиваться под влиянием различных обстоятельств. Важное свойство культурного капитала — его конвертируемость в экономический и социальный капитал на уровне индивида, организации, региона, страны в целом. Это его свойство предполагает возможность анализировать роль культурного капитала в сокращении или возрастании социального неравенства в стране.

При этом социальное неравенство нельзя сводить только к материальному неравенству, оно включает в себе различия по социальному статусу, общественному престижу, по профессиональным и образовательным квалификациям. И хотя социальное неравенство не преодолено ни в одной стране, можно говорить о том, что в некоторых странах (например, таких, которые находятся на постиндустриальной стадии развития — Норвегии, Швеции, Финляндии и ряде других) созданы каналы перемещения вверх по иерархической лестнице за счет более справедливого распределения культурного капитала. В частности, в этих странах существует бесплатное образование всех уровней, почти стопроцентный охват молодежи высшим образованием и создано общество, в котором более 90% населения относятся к среднему классу. В других странах социальные группы более закрыты.

Две наиболее важные сферы накопления и практического функционирования культурного капитала — это система образования и профессиональная структура общества. Если в системе образования культурный капитал формируется и накапливается, оставаясь до поры до времени, по сути, не капиталом, а культурным ресурсом или потенциалом, то профессиональная структура уже воплощает

в себе функционирование культурного капитала через использование профессиональных квалификаций.

1. Образование в России:

фактор сглаживания или углубления социальных различий?

Система образования наряду с семьей в основном и формируют основу культурного капитала страны и культурного капитала индивидов. Кроме того, его воспроизводство и развитие зависит от востребованности в практической жизни, от объективных условий и стимулов развития.

Сегодня знания, навыки, умения, соответствующие современным достижениям во всех сферах человеческой деятельности определяют успешность развития страны и самого человека. Образование встраивается в культуру и воздействует на формирование совокупности социальных норм, которые обладают большей стабильностью, чем экономические изменения. В условиях той трансформации, через которую проходит Россия, образование как социальный институт и как социальная практика оказалось действенным фактором идентификации для большого слоя людей. Несмотря на изменения системы образования и определенные деформации целей обучения, а также усилившийся элитарный характер подготовки по определенным специальностям, система образования смогла сохранить и даже усилить свою идентификационную роль для молодежи и лиц всех возрастов при изменении социально-институциональной среды. Кроме того, образование стало ресурсом для инкорпорирования индивидов в изменяющуюся реальность, и большинство людей продолжает опираться на него в поисках своего профессионального и социального статуса. Образование для детей остается одним из главных приоритетов в жизненных ценностях россиян.

Но возникает вопрос, насколько система образования в России способствует сокращению социальных различий? Решает ли она проблему восходящей социальной мобильности для людей, находящихся на нижних ступенях социальной иерархии? Ответить на эти вопросы можно, используя эмпирические данные российских социологов и материалы Европейского социального исследования (ESS)⁵. Сравнение нашей страны с другими странами, находящимися на разных стадиях модернизированности, прежде всего с теми, которые вступили в постиндустриальную и информационную стадию развития, позволяют определить место России в среде европейских стран, в том числе и по уровню образования населения, накоплению и функционированию культурного капитала.

Средняя продолжительность обучения в России – 12,41 года. По этому показателю Россия опережает большинство стран Восточной Европы за исключением Словакии и Чешской республики. Вместе с тем, по данным ESS-2008, в России 32% населения не имеют вообще никакой профессиональной подготовки. Отмечу для сравнения, что минимальная численность лиц без профессиональной подготовки в Германии – 7%, Швейцарии – 15%, в Великобритании – 16%. Максимальное число лиц, не получивших профессионального обучения, в Турции – 87%, Португалии – 77%, и Испании – 68%. Как видим, четко просматривается связь распространенности профессионального обучения и уровня развития экономик стран. Отсутствие профессиональной подготовки у трети населения нашей страны говорит о характере экономики, где в столь массовых масштабах востребован неквалифицированный труд. В России 29% населения имеют высшее и незаконченное высшее образование. По этому показателю Россия отстает только от 8 наиболее экономически и технологически развитых стран Запада, при этом самое большое отставание – от Норвегии и Швеции (на 7 и 5 процентных пунктов соответственно). Но одновременно Россия опережает 19 стран, в том числе все страны бывшего социалистического лагеря. Кроме того, Россия опережает все страны Европы по численности студентов вузов на 1000 человек населения, а количественный охват высшим образованием лиц соответствующих возрастов в России (85%) – один из самых высоких в Европе⁶.

Но это, замечу, только количественные пропорции, не говорящие о качестве высшего образования в нашей стране. Свой вклад в такие показатели внес беспрецедентный рост числа вузов и численности студентов за последние 20 лет в России. После 1990 г. общее число вузов в России выросло в 2,2 раза, в основном за счет негосударственных учреждений, которые составляют сейчас 41% всех вузов страны. А число студентов за этот же период увеличилось в 2,6 раза, составив на начало 2009/2010 учебного года 7 млн. 419 тыс. человек. Столь бурный рост за годы нестабильного развития свидетельствует о выполнении высшим образованием особых социальных функций – поглощения избыточной рабочей силы и социализации молодежи. Кроме того, для молодых людей мужского пола отсрочка от воинской службы является весомым стимулом для поступления в вуз, а качество обучения и получаемая специальность для таких студентов стоят не на первом месте. Однако уровень профессиональной подготовки в вузах оставляет желать лучшего. Косвенным свидетельством этого могут служить данные о государственных расходах на образование. В России они составляют 4% от ВВП, тогда как даже в Португалии – 5,3%, а в развитых

западных странах около 9% ВВП⁷. Едва ли хорошее образование может быть дешевым. При таких ограничениях в финансировании неизбежна селекция вузов по получаемым средствам от государства и, как следствие, по квалификационному составу преподавателей и по качеству обучения. Как констатируют специалисты, в сфере образования социальная дифференциация не только не сократилась, но и выросла, усилилось неравенство в доступе к качественному образованию, которое дает возможность продвигнуться вверх по социальной лестнице⁸.

Среди факторов, влияющих на получение детьми высшего образования (размер семьи, уровень доходов, образование родителей, персональные характеристики, качество преподавания в школе, регионально-территориальный фактор и пр.), самое значительное воздействие оказывает образование родителей⁹. Этот вывод основан на исследовании современных семей, имеющих детей-студентов. Но если учитывать более длительный период, то можно увидеть, что восходящая межпоколенная динамика сильно выражена среди наименее образованных родителей (с незаконченным средним и не имеющих образования) и среди родителей с высшим образованием. Если в поколении родителей более 40% имели незаконченное среднее образование или совсем не учились, то в поколении детей такой уровень образования только у 16%. Аналогична картина и по высшему образованию: примерно 15% родителей имеют высшее или более высокое образование, а среди детей доля имеющих такое образование составляет уже 29%. Нисходящая динамика наблюдается по среднему полному образованию. Респондентов с таким образованием на 10% больше, чем в поколении родителей. Для среднего специального образования характерно воспроизводство этого типа подготовки.

Наибольшее влияние на получение высшего образования в России оказывают матери: рост их образования от уровня к уровню увеличивает число респондентов с высшим образованием в 1,8 – 1,6 раза. Но просматривается такая закономерность: если в России большая вероятность получить высшее образование имеют дети, чьи родители уже имеют это образование, то в странах-лидерах по инновациям и информационным технологиям, например Норвегии и Финляндии, у родителей с низким образованием дети, тем не менее, чаще, чем в России, имеют высшее образование. Этому способствуют не только бесплатность обучения на всех уровнях, но и забота государства о наращивании культурного капитала нации, потребности развития экономики. Если рассматривать образовательную динамику в этих странах не как сумму индивидуальных перемещений, а как систему коллективных потоков, то можно

увидеть их воздействие на снижение социального неравенства и на социальную стратификацию, в частности, на формирование среднего класса в этих странах.

По данным ESS-2008 наиболее часто наследуемое образование в нашей стране — среднее специальное, а это значит, что *слой людей средней квалификации в России практически воспроизводится*. Перемещение из этого слоя в более высокие образовательные группы явление довольно редкое вследствие образовательных стратегий семей, ограниченности доходов и барьеров, существующих в самой системе образования. Очевидно, что выходцы из таких семей часто ориентированы на достижение уровня образования, который имеют их родители, и для них характерно более раннее начало трудовой деятельности.

Сегодня структура профессионального образования в России наследует потребности экономики индустриального типа с гипертрофированной подготовкой индустриальных рабочих. В 2009 году было выпущено почти 600 тыс. рабочих из системы начального профессионального образования. Еще около 200 тыс. выпускников средних специальных учебных заведений получили специальности для работы на производстве, как правило, в должностях рабочих и техников¹⁰. Сколько из них в условиях экономического спада находят себе работу с хорошими условиями труда и достойной оплатой, можно только предполагать. Но повсеместно отмечается ухудшение подготовки рабочих кадров, низкая готовность выпускников к самостоятельной работе.

Исторически сложившаяся структура образования в Советском Союзе и затем унаследованная Россией, была обусловлена ставившимися задачами индустриализации, модернизации экономики и научно-технического развития. Сегодня каждый четвертый житель страны старше 15 лет имеет техническое или инженерное образование. Но это никак не говорит о том, что страна обеспечена кадрами квалифицированных инженеров и техников, поскольку в течение многих лет реформ их образовательный капитал не был достаточно востребован и устаревал естественным образом. За годы реформ застой и деградация в экономике стали препятствием для восходящей профессиональной и социальной мобильности инженерных и технических кадров. Инженеров, как и квалифицированных рабочих, сейчас, с одной стороны, не хватает, кадры неуклонно стареют, а с другой, подготовка новых не соответствует современным требованиям, и учиться по этим специальностям идут не самые лучшие абитуриенты. Для абитуриентов вузов технические и технологические специальности стоят по рейтингу в конце списка. Сюда поступают лица с невысоким баллом по ЕГЭ:

средний балл поступивших на бюджетные места по специальности «экономика» составляет 71,5, а по перспективной на первый взгляд специальности «прикладная механика, промышленная физика, физико-химия» — только 53,3. По другим техническим специальностям этот балл еще ниже. По прогнозу С. Рошина, инженеры будут востребованы в лучшем случае лет через десять¹¹. Интуитивно это осознается молодежью, и она не выбирает инженерные профессии. При таких тенденциях не приходится ожидать наследования детьми специальности инженеров-родителей. Недостаточность интеллектуальных ресурсов на предприятиях приводит к тому, что основной путь обновления производств — это покупка машин и оборудования, технологий, на что в 2009 г. ушло 65% всех затрат на инновации предприятий, но только 10,1% было потрачено на собственные исследования и разработки¹². В развитых европейских странах — в несколько раз больше. Статус сырьевого придатка нашей страной подтверждается вновь и вновь. Неудивительно, что в последние два десятилетия произошла девальвация инженерной подготовки, упал спрос на таких специалистов и вырос их отток в другие нетехнические сферы деятельности.

Близкие тенденции отмечаются и в подготовке кадров для фундаментальной науки. Их доля в занятом населении России в 3,4 раза ниже, чем в западных странах, особенно сильно заметно отставание от Франции и Великобритании. Сказывается недооценка подготовки кадров для фундаментальных наук, слабый приток молодежи в эту отрасль, влияние процессов эмиграции научной интеллигенции, а также плохое финансирование научных исследований. Так, внутренние затраты на исследования и разработки в России (1,12% ВВП) сопоставимы с такими странами, как Португалия (1,18%) и Эстония (1,14%), тогда как в Швеции они составляют 3,60%, в Финляндии 3,48%, в Австрии 2,56%, в Германии 2,54% ВВП¹³. Очевидный факт: наука в переходный период не была в России востребована, и многие ученые перешли в другие отрасли экономики или эмигрировали за рубеж.

Накопление культурного капитала с использованием системы образования — это регулируемый процесс, зависящий от политики государства, выделяемых для этого средств, возможностей самого населения оплачивать образование, квалификации преподавательских кадров. В условиях России этот процесс полон противоречий. В течение двух последних десятилетий наблюдается повышение доступности высшего образования, растет число выпускников и студентов вузов. Эти количественные изменения происходят, несмотря на недостаточное государственное финансирование и ограниченность доходов самого населения. В условиях перехода

к рынку сформировалась устойчивая мотивация на получение высшего образования во многих социальных слоях. Такой мотивации соответствовал и встречный рост приема в вузы, как правило, на платной основе. При этом не сократился, а усугубился разрыв в качестве предоставляемых услуг между ведущими элитными и прочими вузами и факультетами, а также их многочисленными филиалами. Специалисты стали различать вузы, дающие общее образование, сосредоточенные на социализации и воспитании студентов (как бы в продолжение функций средней школы), и вузы, дающие классическое образование и престижную профессию¹⁴. В таком разделении есть свой смысл, если учитывать, что показатели трудоустройства выпускников по специальности очень низкие. В новых предприятиях в сфере обслуживания и торговли, куда устраивается большинство выпускников, работодатель предъявляет в основном требования к общей культуре, элементарным навыкам работы с компьютером и т. д., предлагая доучиваться без отрыва от работы.

Одновременно возникли экономические препятствия получению качественного высшего образования для семей с низкими доходами. Вместе с социальным капиталом экономический капитал семьи становится еще более важным фактором поступления в престижные вузы, чем ранее. Социальное расслоение все в большей степени воспроизводится системой образования. Дать оценку ЕГЭ с точки зрения преодоления этой тенденции пока не представляется возможным. И нет пока оснований считать, что образование в России является «социальным лифтом», позволяющим преодолевать социальные различия в обществе.

2. Профессиональная структура населения России как поле функционирования культурного капитала

Профессиональная структура населения отражает функционирование культурного капитала страны. Профессиональные квалификации демонстрируют не только уровень развития экономики, но и развитие человека в его основной деятельности – в труде. Как показывают отечественные исследования, за последние 15 – 20 лет в России произошли такие изменения, которые говорят о деквалификации значительной части населения¹⁵. В результате примитивизации производства и сокращения обрабатывающих отраслей многие квалифицированные кадры оказались невостребованными.

Одновременно со снижением значимости тех профессий, которые были количественно доминирующими в советский индустриальный период, сегодня получают распространение новые профессии,

связанные с современными технологиями, компьютеризацией, развитием сферы услуг. Профессиональная структура российского общества в отдельных сегментах экономики, безусловно, начала меняться, но насколько глубоки эти изменения по сравнению с профессиональной структурой населения тех стран, которые вступили в постиндустриальный период? И насколько тот культурный капитал, который функционирует в качестве профессиональных квалификаций, содействует модернизации экономики?

Чтобы ответить на этот вопрос, сравним профессиональную структуру населения России и европейских стран. По данным ESS-2008, Россия входит в группу бывших социалистических стран, где в профессиональной структуре преобладает рабочий класс — низкой, средней и высшей квалификации, так называемые синие воротнички. В России они составляют 43% занятого населения, при этом большинство из них обладают высокой и средней квалификацией. Этот качественный состав рабочих отличает Россию от стран европейского Юга — Испании, Кипра, Португалии, а также Турции, где близкая к России доля рабочих, но меньше доля высококвалифицированных. Такая высокая доля рабочих профессий в России — наследие эпохи индустриализации, ускоренного промышленного развития с ориентацией на военно-технические отрасли. Но сейчас нельзя не отметить снижение престижа даже высококвалифицированного труда рабочих вследствие сокращения заработной платы, падения уровня профессиональной подготовки, разрушения карьерных перспектив. За годы реформ произошла смена профессиональной модели квалифицированных рабочих вследствие утраты промышленностью активной роли «локомотива» экономики и переориентации в деятельности предприятий с производственной на коммерческую функцию¹⁶. Сегодня в развитых странах Запада рабочие составляют не более 30% взрослого населения при доминировании среди них работников средней и высокой квалификации. Таким образом, характерное отличие профессиональной структуры России от развитых стран — доминирование физического труда, которым занято примерно 60% взрослого населения страны (с учетом рабочих, занятых в сфере услуг), при этом почти половина населения имеет рабочие профессии, ориентированные на производственные отрасли.

Сравнивая удельный вес «белых воротничков» — управленцев и специалистов-профессионалов в России (34%) и в других странах, можно увидеть, что их численность равна или немного уступает всем восточно-европейским странам. Но по сравнению с большинством развитых стран Европы отставание России более значительно: на 7% от Германии и Финляндии, на 10% от Норвегии, Франции,

Швеции, на 17% от Нидерландов. В этих странах интеллектуальный труд, по терминологии М. Кастельса, «информационных» работников, становится источником инноваций, их уникальные квалификации вносят основной вклад в развитие экономики на всех уровнях – от фирмы до страны в целом¹⁷. В странах севера Европы «белые воротнички» приближаются к половине, среди них, по оценке М. Кастельса, треть составляют именно информационные работники. И это объяснимо: постиндустриальная экономика – это экономика знаний, в ней взаимодействие с социально-культурным бытием человека предельно обнажено и зависимо от качества общеобразовательной и профессиональной подготовки. Такая социально-профессиональная структура определяет черты образа жизни, уровень благосостояния, спектр потребляемых услуг, политические настроения, ценностные позиции. В этих обществах становится реальностью измерение экономики в категориях культуры, таких как развитие человека, интеллектуальный потенциал общества, творчество, инновации, образование¹⁸.

Таким образом, профессиональная структура в России отражает противоречивые тенденции: при относительно высокой доле работников квалифицированного умственного труда, численность рабочих соответствует странам юга Европы как менее развитой части европейского континента. Индустриальный период развития России чрезмерно затянулся и даже пошел вспять в результате трансформаций последних 20 лет. Страна никак не может перейти к постиндустриальной экономике и инновационному развитию. Сейчас практикуется точечная стратегия внедрения инновационных производств, но при этом не у дел остается большая часть трудоспособного населения, имеющая подготовку для индустриального сектора, который сильно пострадал в период реформ и открытия рынка внешним связям. Это сложная социальная проблема, сопровождающаяся маргинализацией значительных слоев населения, пока не получает своего решения.

В процессе перехода к постиндустриальному развитию Россия должна будет изменить профессиональную структуру населения. Как было показано выше, большинство работающих в России заняты физическим трудом, обладают ограниченным культурным капиталом, что сокращает возможности их мобильности и восхождения по социальной лестнице. Декларируемое равенство возможностей в реальной жизни оборачивается зависимостью вертикальной мобильности молодежи от социального происхождения. В результате этих процессов социальное неравенство не только не сокращается, но все больше углубляется. При этом нарастает и материальное

неравенство, принявшее в России беспрецедентные размеры и порождающее бедность большого слоя людей.

3. Бедность в России

как фактор консервации социального неравенства

Экономические причины, препятствующие получению хорошего образования детьми из семей с низкими доходами действуют не безусловно, поскольку они корректируются культурной средой семьи, системой ценностей, уровнем образования родителей, и, таким образом, культурный капитал семьи играет важную роль в передаче культурных образцов поведения потомкам. И, тем не менее, материальное благосостояние семьи имеет важное значение для получения детьми образования и накопления культурного капитала.

Сегодня, по результатам ESS, население России — одно из самых бедных в Европе. В 2008 году 66% россиян отметили, что им довольно трудно (41%) или очень трудно (25%) жить на получаемый ими доход. Россия занимала третье место снизу в рейтинге 28 стран по этому показателю. В других бывших социалистических странах, кроме Украины (78%), Болгарии (76%) и Румынии (64%), этот субъективный показатель в 1,5 – 2 раза ниже. В России в 2008 г. только у 34% респондентов дохода хватало для жизни. Для сравнения: самый широкий слой населения (более 90%), имеющего достаточный доход, в Дании, Норвегии и Швеции. В этих странах самая большая часть населения (60 – 70%) живет вообще без материальных затруднений.

Исследование выявило количественные пропорции бедных в разных профессиональных группах. Самое значительное их число среди квалифицированных работников сельского хозяйства (87%), неквалифицированных рабочих всех отраслей экономики (75%). Доля бедных среди других групп физического труда и труда обслуживания составляет 67 – 69%. Значительно меньшей долей бедных отличается, как и ожидалось, группа руководителей. Промежуточное положение занимают специалисты. Субъективные оценки бедности зафиксированы нами также и в общероссийском мониторинге, проводимом ЦИСИ ИФ РАН с 1990 г.¹⁹ По этим оценкам до 50% населения может быть отнесено к бедным (30%) и необеспеченным (20%). Субъективные показатели уровня бедности в двух приводимых исследованиях различаются, поскольку различны методики исследования, но опросы фиксируют реальную социальную проблему — невозможность для бедных и необеспеченных людей вести общественно приемлемый образ жизни, получать образовательные и медицинские услуги, поддерживающие качество жизни этих групп на приемлемом уровне. У бедных людей материальных возможностей хватает в основном на поддержание физического существования.

Есть несколько способов объективного определения бедности. В России они основаны на сравнении дохода с официально устанавливаемой величиной прожиточного минимума (ВПМ) для разных категорий граждан и возрастных групп. Этот норматив используется для определения величины разного рода социальных пособий и минимальной заработной платы, поэтому его размер и состав имеют не только методическое, но и практическое значение для бедных слоев. В России в 2009 г. бедных по этой методике было 13,2%²⁰. Аналогичный подход, опирающийся на ВПМ, используется и в США. Но американская статистика закладывает в минимальную потребительскую корзину расходы на продукты питания в объеме не более трети ее стоимости, тогда как в российской статистике эта доля составляет около 40%, к тому же в США состав продуктов существенно отличается от российского за счет большей доли фруктов и овощей. При росте расходов на ЖКХ бедное население в России вынуждено сокращать расходы на питание, непродовольственные товары и социальные услуги. В европейских странах бедным считается человек с доходом меньше 60% медианного дохода по стране. Таким образом, по параметрам и методам измерения, принятым в мире, бедность в России в 1,5 раз выше, чем признает отечественная статистика.

Несоответствие данных статистически измеряемой бедности и данных, следующих из опросов населения, объясняется по меньшей мере двумя причинами. Первая связана с заниженной нормативной величиной прожиточного минимума, который с трудом обеспечивает только примитивное выживание. Вторая причина – психологическая. Она связана со сравнением бедным населением своего уровня жизни и уровня жизни активных и успешных социальных слоев. Негативные социальные сравнения накладываются на реально низкий уровень жизни. Низкие доходы, равные или ниже величины прожиточного минимума, обуславливают невозможность получать социально приемлемый набор услуг социального и культурного назначения, поскольку эта сфера быстрыми темпами коммерциализируется и платные услуги составляют все увеличивающуюся долю в их бюджете. Невозможность следовать типичным для общества образцам потребительского и культурного поведения вызывает ослабление контактов с обществом, своего рода социальную эксклюзию.

Недоступность для бедного населения качественных медицинских, образовательных и культурных услуг влечет за собой одно очень печальное последствие – крайне мало шансов преодолеть бедность не только взрослым, но и их детям. Наследуемая бедность становится опасной тенденцией в современной России, поскольку

шансы на экономический успех и социальное восхождение не выравниваются, а, наоборот, снижаются. Все большее распространение получает так называемая культура бедности, включающая в себя, по определению О. Льюиса, стиль жизни, который передается из поколения в поколение, от родителей к детям²¹. Этот стиль жизни — реакция бедных на их маргинальное положение. Он включает в себя особенности и последствия процесса социализации. Поэтому преодоление физической бедности не может быть достаточным для преодоления *культуры бедности*. Современный российский опыт подтверждает это: в России появился слой материально более-менее обеспеченных людей, вышедших из плохо обеспеченных слоев и не обладающих элементарными культурными навыками и духовными потребностями.

По своей сложности и комплексности проблема бедности такова, что программа для ее решения должна иметь статус национальной и включать в себя разнообразные методы и средства, соответствующие причинам бедности в отдельных регионах и ее последствиям для бедных слоев и для общества в целом. Чрезвычайно важно учесть *гуманитарный аспект* преодоления бедности, а для этого необходимо провести всестороннюю оценку качества жизни бедного населения — не только дохода, но и состояния здоровья, образования детей и профессиональной подготовки взрослых, другие параметры жизни. Подобно тому, как в международных докладах рассчитывается комплексный индекс нищеты для развивающихся и развитых стран (каждый из них включает разные индикаторы), так и для современного российского общества необходимо разработать на основе нескольких параметров *индекс бедности*. Он не должен ограничиваться только оценкой дохода и имеющихся в распоряжении ресурсов в соотношении с прожиточным минимумом, но и учитывать дистанцию между доходами бедного населения и доходами, составляющими медиану на данном этапе развития общества. Эти показатели могут приблизить нас к пониманию того, насколько бедные лишены социально приемлемого уровня жизни для данного региона и общества в целом, и разработать необходимые меры по повышению уровня их жизни.

Кроме того, было бы целесообразно провести мониторинговое социологическое исследование бедного населения в различных регионах страны с использованием единой методики и инструментария с целью выявления тех возможностей преодоления бедности, которые связаны с активизацией человеческого потенциала этих слоев. Даже если сейчас не удастся преодолеть их бедность, нужно думать о молодом поколении, чтобы оно смогло переместиться в более высокие доходные группы, нужно помочь им накопить для этого

культурные ресурсы. Очевидно, что без помощи извне создать такие ресурсы многие молодые люди из бедных семей не могут. Бедность населения не может быть оценена без ее социокультурных составляющих и последствий, в том числе отложенного действия.

Пора отказаться от оценки бедности по нормативному показателю «величина прожиточного минимума», так как этот показатель занижен и социально ущербен, поскольку не отражает тенденций изменения структуры расходов населения и складывающихся в обществе социальных стандартов. Его использование искажает представления о действительном положении с бедностью в России. Необходимо разработать **национальный стандарт качества жизни** – комплекс социально приемлемых параметров существования семьи, дающий возможность большинству населения достойно существовать в своей стране, и сделать его нормативным показателем, в котором бы были заложены возможности для воспроизводства и приращения культурного капитала страны, семьи и человека.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Бурдые П. Практический смысл. – СПб., 2001. – С. 230.

² См.: Becker G.S. Human Capital. – N. Y., 1964.

³ См.: Коулман Дж. Капитал социальный и человеческий // *Общественные науки и современность*. 2001. №3. – С. 122 – 139.

⁴ Там же. – С. 126.

⁵ ESS – Европейское социальное исследование – стартовало в 2002 г. с участием 22 стран, в 2004 г. в нем приняли участие уже 26, а в 2006 г. – 25 стран, включая Россию. В 2008 году это исследование проводилось уже в 28 странах Европы, включая Турцию. Оно представляет собой опрос населения, имеющий единую методологию, использующий общий инструментарий и методически контролируемый на всех этапах реализации проекта со стороны Международного координационного комитета.

⁶ См.: Россия и страны – члены Европейского союза. 2009. – М., 2009. – С. 93.

⁷ См. там же. – С. 92.

⁸ См.: Константиновский Д.Л. Неравенство и образование: опыт социологических исследований жизненного старта российской молодежи (1960-е годы – начало 2000-х). – М.: Центр социального прогнозирования, 2008.

⁹ См.: Рощина Я.М. Доступность высшего образования: по способностям или по доходам? // *Университетское управление: практика и анализ*. 2005. №1 (34).

¹⁰ См.: Социальное положение и уровень жизни населения России. 2010. – М., 2010. – С. 371, 372, 374.

¹¹ См.: Кем быть выгоднее: очередным юристом или дефицитным инженером? // *Комсомольская правда*. 18 апреля 2011 г.

¹² См.: Россия и страны – члены Европейского Союза. 2009. – М., 2009. – С. 214; Россия и страны – члены Европейского Союза. 2005. – М., 2005. – С. 208.

¹³ См.: Россия и страны – члены Европейского Союза. – С. 205.

¹⁴ См.: Доступность высшего образования в России. – М., 2004.

¹⁵ Массовым проявлением этих процессов является деквалификация части рабочих, которые в результате реформ покинули промышленные предприятия. По оценкам, за 1992 – 2001 гг. численность рабочих сократилась более чем на 6 млн. человек (см.: Традиции и инновации в современной России. Социологический анализ взаимодействия и динамики / под ред. А.Б. Гофмана. – М., РОС-СПЭН, 2008. – С. 115 – 116).

¹⁶ См.: *Московская А.А.* Проблемы становления модели профессии: российский опыт в западном исследовательском контексте // Мир России. 2010. № 3. – С. 90 – 114.

¹⁷ См.: *Кастельс М.* Информационная эпоха. Экономика, общество и культура. – М.: ГУ ВШЭ, 2000.

¹⁸ См.: *Сиземская И.Н.* Экономика как сфера воспроизводства социально-культурного бытия // Социокультурная динамика регионов в условиях финансово-экономического кризиса. Сб. материалов VI Всероссийской конференции. 7 – 9 октября 2010 г. Ульяновск. – Ульяновск, 2010. – С. 6 – 14.

¹⁹ Руководитель мониторинга член-корреспондент РАН Н.И. Лапин.

²⁰ См.: Социальное положение и уровень жизни населения России. 2010. – М., 2010. – С. 139.

²¹ Подробное изложение концепции культуры бедности О. Льюиса содержится в статье С.С. Ярошенко «Синдром бедности» (Социологический журнал. 1994. № 2).

Аннотация

В статье рассматривается проблема воспроизводства культурного капитала и образование в качестве его основы; ставится вопрос о неоднозначности его влияния на сглаживание или углубление социальных различий в современной России. Функционирование культурного капитала исследуется через профессиональные квалификации населения в сравнении с другими европейскими странами. Показано, что декларируемое равенство возможностей в реальной жизни оборачивается зависимостью вертикальной мобильности молодежи от социального происхождения и материального достатка семей. Рассмотрена проблема бедности в России и те последствия для воспроизводства культурного капитала и состояния социального неравенства, которые она порождает.

Ключевые слова: культурный капитал, воспроизводство культурного капитала, международные сравнения уровней образования и профессиональной структуры, социальное неравенство, субъективные и объективные показатели бедности.

Summary

The article examines the education as a base for reproduction of cultural assets. The influence of education in modern Russia on the depth of social breach is ambiguous. The effects of the cultural assets are viewed through the professional qualification in comparison with other European countries. The author shows that equal opportunities which are declared in reality turn to be dependence of vertical mobility on the material wellbeing of families. The author also examines the problem of Russian poverty and its consequences for the social inequality and the reproduction of cultural assets.

Keywords: cultural assets, reproduction of cultural assets, international comparisons, social segregation, real and self-assessed characteristics of poverty.